

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ**

XVI–XX ВЕКОВ

**VII
ТОМ**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

**РАЗРАБОТАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИЙ КНИГ ПО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

М. А. Кул-Мухаммед (главный редактор)
М. М. Тажин (зам. главного редактора)
Н. М. Нургазин (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
К. Н. Бурханов
Е. К. Ертысбаев
С. З. Зиманов
С. А. Каскабасов
А. Кекильбаев
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпейсов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
О. О. Сулейменов
К. С. Султанов
И. Н. Тасмагамбетов
К. Ш. Хусаинов

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
И ЭТНОЛОГИИ ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX веков**

**VII
ТОМ**

**Г. Н. ПОТАНИН.
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

Алматы
“Дайк-Пресс” 2006

ББК 63. 3 (5 Каз)
П 64

**Секция “История и этнография”
Государственной программы
“Культурное наследие”**

**К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков**

Составление тома и указателей,
транскрипция текстов, историографический очерк
К. Ш. Алимгазинова

Научный редактор
И. В. Ерофеева

П 0503020905
00 (05) – 06

ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 9965-798-26-5

© Алимгазинов К. Ш., сост., 2006

© Издательство “Дайк-Пресс”, оформление, 2006

Историко-этнографическое наследие Г. Н. Потанина

Научное наследие русского ученого-путешественника Г. Н. Потанина по праву занимает особое место в казахстанской исторической науке. В XIX веке Центральная Азия все еще оставалась малоисследованным европейскими учеными регионом. Богатый эмпирический материал, тщательно собранный Потаниным, дает читателю полную картину жизни, быта, обычаев племен и народов Центральной Азии. Стремление получить информацию из первых рук выступает исследовательским кредо ученого, осознающего актуальность и значимость для своего времени собираемых историко-этнографических материалов. Свидетельства стороннего наблюдателя тем более ценны, поскольку внимание акцентируется буквально на всем автохтонном, чуждом зрению европейского человека. Этим и объясняется историко-источниковедческая и историко-культурная ценность трудов Г. Н. Потанина. Не случайно вклад ученого в изучение народов Центральной Азии отмечается практически во всех академических изданиях (БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 20. С. 425; Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 472—473; Краткая географическая энциклопедия. М., 1966. Т. 5. С. 284; Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 275—276 и др.).

Григорий Николаевич Потанин родился 21 сентября 1835 года в поселке Ямышевском недалеко от Павлодара. Отец его, Николай Ильич Потанин, был офицером Сибирского казачьего войска при окружном приказе Баянаульского округа Омской области. Он известен не только как отец знаменитого ученого, но и как один из первых русских путешественников, проникших в Среднюю Азию.

В 1846 году Г. Н. Потанин поступил в Сибирский кадетский корпус в Омске, где познакомился с Ч. Ч. Валихановым. В 1852 году семнадцатилетний Потанин оканчивает корпус в чине хорунжего и направляется для прохождения службы в 8-й казачий полк в Семипалатинск. В конце 1853 года в составе 8-го казачьего полка Г. Н. Потанин участвует в основании крепости Верный. А в 1856 году он был переведен в Войсковое правление Омска. Именно здесь судьба сводит его с известным путешественником П. П. Семеновым-Тян-Шанским. Это знакомство определяет его дальнейшую жизнь: в 1858 году Г. Н. Потанин бросает военную службу и решает продолжить образование в университете. Получив рекомендации, он в марте 1859 года прибывает в Петербург и поступает вольнослушателем естественно-исторического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Здесь, в тесном кругу студентов-сибиряков — Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шишков, Ф. Н. Усов и другие — зародилось сибирское областничество. Возникнув как кружок студентов-единомышленников для изучения родного края — Сибири, движение приобретает общественно-политическую направленность. В начале 60-х годов сторонники идеи за возрождение Сибири вступают в открытую борьбу за демократические реформы в России. В октябре 1861 года Г. Н. Потанин за участие в студенческих волнениях был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда чуть позже, в том же году, был выслан на родину под надзор полиции. Только спустя четырнадцать лет, в 1874 году, ему разрешат вновь поселиться в Петербурге для подготовки к очередной экспедиции.

Одну из первых своих научных экскурсий Потанин совершил летом 1862 года на Урал. А уже в 1863 году он в качестве переводчика и натуралиста экспедиции астронома К. В. Струве отправляется к устью реки Кокбекты, впадающей в озеро Зайсан,

и затем, на следующий год, в сопровождении проводника Тана Тлемисова — к подножию гор Тарбагатай, к озеру Маркаколь. Обязанности среди ее членов были четко распределены: Струве вел маршрутную съемку, Потанин собирал гербарий. Главной целью экспедиции была съемка местности для составления подробных карт, но для Г. Н. Потанина эта экспедиция выразилась во всестороннем изучении края: в свой отчет о поездке он включил, как пишет сам, “массу любопытнейших сведений о быте казахов”, которые, к тому же, были дополнены ценными документальными данными из архивных хроник XVIII — начала XIX века из Омского архива. В силу ряда объективных факторов большая часть документального наследия того времени не дошла до наших дней и доступна исследователям Центральной Азии лишь благодаря тем обширным выпискам из архивных документов, которые проделал ученый. Особенно это касается приводимых в трудах Г. Н. Потанина архивных материалах, датированных первой половиной XVIII века. В этом отношении произведения Потанина дают исследователям уникальную возможность ознакомиться с частью несохранившихся документов по истории Казахстана и Центральной Азии. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что значение научной деятельности Потанина для более полного изучения истории казахского народа было отмечено уже в трудах казахской интеллигенции начала XX века.

Г. Н. Потанин, еще будучи казачьим офицером, много времени проводил в Омском архиве, изучая документы по истории Сибири. При изложении своих путевых заметок и отчетов по путешествиям исследователь довольно часто обращался к документальной базе материалов и архивных источников, с которыми ему довелось работать прежде. Безусловно, даже этот пласт архивного материала, присутствующий в трудах ученого, может стать объектом самостоятельного источниковедческого изучения. Поэтому помимо историографической ценности произведения Г. Н. Потанина несут историко-источниковедческую значимость, что и объясняет уникальность публикуемых в настоящем сборнике материалов.

Документальный пласт архивных материалов, собранный исследователем, использован практически во всех его трудах и путевых заметках. Отчет о поездке по Восточному Тарбагатаю летом

1864 года дополнен у Г. Н. Потанина “Известиями из архива правления области сибирских киргизов в Омске”, “Сведениями о торговле”, статистическими выписками из архивных документов и др. Характеристика взаимоотношений России с джунгарскими правителями выстроена ученым также на архивных материалах (см. статью “Наши сношения с джунгарскими владельцами”, напечатанную в “Сборнике историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах” в 1876 году и публикуемую в настоящем издании). В подборе и публикации документов Потанин придерживался определенной системы. Все его работы предельно насыщены архивными материалами. В работах, касающихся Казахстана, четко прослеживается цель — познакомить русское общество с историей и бытом казахского народа. И эта тенденция обнаруживается уже в ранних исследованиях и отчетах ученого о своих путешествиях.

В совместном труде “Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина”, опубликованном в 1867 году, Г. Н. Потанин подробно рассказал о своей поездке в край. Благодаря его стараниям, многие страницы этой книги занимает описание быта казахов (кочевки на джайляу, пословицы и поговорки, загадки, песни, сказки). К отчету приложены обнаруженные в Омском архиве сведения о горах Заир и Иреньхабирга, материалы о торговле Семипалатинска в конце XVIII века. Добравшись до озера Маркаколь, он узнает, что расположенные в этом районе казахские аулы рода кожамбет имеют в Зайсанской долине небольшие посевы, а зимовки в горах, у озера. С интересом наблюдал Г. Н. Потанин каждый вечер рыбную ловлю. “Собиралось более 50 человек на быках. Это были поставщики от семейств; они привозили с собой два общественных невода — единственные у целого рода кожембет. Почти вся компания, состоящая из взрослых и детей, заезжает на быках в воду гораздо ниже истока и с криком и горящими головнями гонит рыбу вверх по Кальджиру; в самом выходе реки закидывается невод и вынимается, когда рыба скопится в нем. Вынутая рыба складывается в общую кучу на берегу; закидывание невода и пугание рыбы повторяются несколько раз, так что шум и крик не переставали на реке в течение целой ночи...”. Казаки, пишет путешественник, “отправляясь на ловлю, берут с собой несколько товаров из кокпектинских лавок и

выменивают их киргизам на рыбу, продукты скотоводства и даже земледелия. Таким образом, стан их у Бакланьего мыса имел вид ярмарки. Этот характер еще увеличивается приездом крестьян, которые пробираются сюда по Нижнему Иртышу из Усть-Каме-ногорска”.

Путешественник отмечает стремление казахов к оседлости. Он пишет: “Стремление к оседлости у местного кочевого населения очень заметно; многие киргизы и чоло-казаки подают прошения на отвод земель, все спешат поскорее занять место и обзавестись явочным актом на него; иногда подают прошение на одно и то же место разом”. Путешественник обращает внимание на распространение у местного населения русских орудий труда и предметов быта, появившихся в здешних краях в результате торгового обмена, и дополняет свои подтверждения обнаруженными им в архиве Областного правления сибирских киргизов “любопытными известиями” об этой торговле. Ряд фактов, которые приводит Г. Н. Потанин, заслуживают внимания в контексте исследовательского интереса к методам организации и характеру торговых отношений России и окраин. Стремление к выработке общей стратегии экономического поведения Российской империи по отношению к инородцам на местах приобрело формы попыток узурпации и перехвата экономических рычагов управления регионом русской администрацией у сложившейся административно-торговой верхушки населения, с одной стороны, и лоббирования частнособственных интересов — с другой. Отмечая караванный характер торговли, путешественник пишет, что только “в некоторой степени в караванной торговле принимали участие и русские купцы”. Продолжительное пребывание русских купцов в регионе “отчасти происходило от тогдашней вялости ведения торговых дел; товары, завезенные в страну, могли быть проданы только в продолжительный срок; бухарские товары были завезены в Сибирь в последний раз в 1752 году и еще в 1760 году, т. е. через 8 лет вывозились из Тобольска в киргизскую степь. Также, вероятно, и привлекательная жизнь на теплом юге долго удерживала русских людей от выезда в Россию... Коменданты крепостей старались монополизировать торговлю за собой; директор Ямышевской таможни Бушуев жаловался в 1700 году, что комендант крепости св. Петра Лесток стесняет свободу торговли

в пользу своих дворовых людей". В итоге это приводило к тому, что торговля приобретала бессистемный и бесконтрольный характер. "Контрабанда, т. е. продажа беспошлинно недозволенных товаров и тайный ввоз и вывоз запрещенных товаров, достигла в Сибири значительных размеров". В XVII столетии в руках среднеазиатских купцов была вся внутренняя торговля Сибири, отмечает исследователь. "Вести соперничество с ними русским почти невозможно, потому что для этого русским недостает единства религии с киргизами и возможности вступать с ними в родство; последнее обстоятельство весьма важно для торгового влияния и кредита в степи".

Экспедиционные работы с целью изучения состояния озера Зайсан, жизни его обитателей в зимних условиях продолжались с начала 1864 года до лета. Кроме того, были обследованы верховья Иртыша, горная система Тарбагатая. Участие Потанина в составе экспедиции астронома К. В. Струве дало ему возможность изучить рыболовство на озере и собрать богатую ботаническую коллекцию. Ценный материал послужил основой для написания совместно с К. В. Струве отчета об экспедиции и двух статей.

Г. Н. Потанин одним из первых заговорил о взаимовлиянии русских крестьян и казахов. В "Заметках о Сибирском казачьем войске" он отмечает, что "казаки, живущие в станицах по Иртышу, более походят на мещан, чем на крестьян. Весь ряд иртышских станиц представляет рассеянный город. Причина такого развития заключается в соседстве инородцев и местности, более благоприятной для скотоводства, чем для земледелия; где эти условия были слабее, там и характер казаков ближе к крестьянскому, чем к городскому... Главную основу народной пищи составляют молоко и мясо ... Здешний казак — ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов. В наездничестве они не уступают киргизам. Киргизский язык не только не пренебрегается, но и считается разговорным; киргизские обычаи также многие усвоены: так, например, казаки охотно пьют кумыс и едят конину. Кража баранов из киргизских аулов, когда казаки находятся на годичной службе в киргизской степи, доведена у них до того же искусства, как и у самих киргизов, по пословице "С волками жить — по-вол-

чьи выть". Самое сильное взаимодействие русского и киргизского народного духа происходит, как пишет Г. Н. Потанин, около Коряковской станицы: "Обе расы здесь отчасти смешались... Здесь много между казаками крещеных киргизов и даже киргизок, так что здесь можно встретить хоровод из смуглых и плоских лиц, и можно услышать песню, представляющую смесь киргизского языка с русским. Все окрестные киргизы сделали много заимствований из русской жизни, и даже многие живут в землянках, по крайней мере, в зимнее время; а казаки здешние, в свою очередь, подчиняются сильному влиянию киргизов, следуют в одежде их модам и в домашней жизни предпочитают киргизский язык своему. Это влияние видно также и на женщинах. Впрочем, влияние Востока отразилось и в остальной Сибири: русская женщина в сибирских городах переняла у татарок обыкновение накидывать халат на голову, выходя из дому, жевать листовничную серу, подпоясывать рубашки мальчиков под самые мышки, а не по середине туловища".

В октябре 1864 года Потанин был прикомандирован к Томскому губернскому совету по крестьянским инородческим делам. С 1865 года он принимает активное участие в издании неофициальной части "Томских губернских ведомостей".

Летом 1865 года Г. Н. Потанин был арестован вместе с Н. М. Ядринцевым за распространение радикальных идей и воззваний. Он был направлен в Омск в распоряжение следственной комиссии. Даже находясь в заточении, ученый продолжает работать с материалами местных архивов и в 1868 году издает "Материалы для истории Сибири". В этот же год он был приговорен сенатом к 15 годам каторжных работ. Однако чуть позже, в том же году, приговор, вынесенный Г. Н. Потанину, был заменен ссылкой на каторжные работы на 5 лет в одну из крепостей Финляндии. И в 1868—1871 годах Потанин находился на каторжных работах в Свеаборгской крепости.

После помилования в 1874 году по ходатайству П. П. Семёнова-Тян-Шанского ученый до 1902 года проживал в Петербурге. В этот период он совершает несколько этнографических научных экспедиций в Среднюю Азию, Тибет, Монголию и Китай.

Весной 1876 года по поручению географического общества Г. Н. Потанин отправляется в Северо-Западную Монголию. Экс-

педиция в течение двух лет исследовала эту страну со всех сторон, причем были собраны богатые данные по всем направлениям географических знаний. За первой экспедицией вскоре последовала вторая (в 1879 году), имевшая целью изучение центральной части Монголии. Результаты поездок были обнародованы РГО в "Очерках Северо-Западной Монголии", вышедших в 1883 году. В ходе экспедиций Г. Н. Потанина были получены обширные сведения по географии до этого малоизвестных и неизученных областей Центральной Азии, собраны большой гербарий и зоологические коллекции. Работа ученого не ограничивалась лишь сбором и констатацией видов растений, произрастающих в этом регионе: ему удалось записать произношение названий этих растений и животных на местном наречии, проследить динамику географии объекта исследования и дать собственную интерпретацию происхождения этнических терминов.

Большую ценность представляют собранные Г. Н. Потаниным материалы по культуре, быту и народному творчеству многих тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии, а также тангутов, китайцев, дунган. Безусловно, многие труды ученого, написанные по материалам его путешествий, посвящены Монголии и Тибету. Однако несомненен тот факт, что в них содержится ценный и оригинальный материал о народах Российской империи, в частности о казахах. Желание изучить историю казахского народа проявилось у Потанина еще в юношеском возрасте, в годы учебы в Омском кадетском корпусе, когда он подружился с Ч. Ч. Валихановым. Их дружба продолжалась почти двадцать лет. Годы учебы выявили и закрепили интерес к географии и этнографии Казахстана. Сказались и семейные традиции: историей казахских степей увлекался отец исследователя — Н. И. Потанин.

Быту и культуре казахов посвящены многие труды Г. Н. Потанина. Исследователь старался проследить динамику развития народа на протяжении истории, подмечал новые черты в его жизни после вхождения территории Казахстана в состав Российской империи и в связи с влиянием русских крестьян на быт казахов.

Отчеты о путешествии по Северо-Западной Монголии содержат ценный материал по истории эпоса тюркских и монгольских народов. Особую значимость представляют собранные материа-

лы этнографического характера о племенах и народах, населяющих этот регион. Так, все население Северо-Западной Монголии по племенному составу Г. Н. Потанин разделяет на три группы: монгольскую, тюркскую и китайскую. К тюркской группе путешественник относит киргизов, занимающих южный склон Алтая к долине Черного Иртыша, урянхайцев, говорящих на турецком языке и занимающих котловину между Саянами и Тангнуолой, сартов, населяющих деревни в предгорьях Тянь-Шаня.

Ценный материал представляют сведения об этническом составе, расселении, хозяйстве, культуре и вероисповедовании тюркских племен: киргизов и торгоутов, занимающих южные склоны Алтая и Тарбагатая. Г. Н. Потанин заносил в свои дневники рассказы о происхождении этноса, киргизские названия пальцев, животных и растений, обозначения созвездий и небесных явлений, сказки и предания народа. Табличная форма представления собранной информации позволяет наглядно проследить наличие элементов заимствования легенд и поверий, этнонимов, слов и выражений из языков другого этноса. Путешественник к тому же в своих обширных примечаниях и пояснениях к каждому записанному этнониму и слову проводит параллели с культурной традицией европейских народов, обнаруживая много общего.

В своих изысканиях Г. Н. Потанин исходил из идеи, что развитие мировой культуры находится в синтезе азиатских и европейских форм и возрождении на этой основе народов Востока, посредническую же роль в этом процессе должна сыграть просвещенная Сибирь, ее народы. Этим проникнуты труды Потанина "Очерки Северо-Западной Монголии" (СПб., 1881–1883), "Тангуты-Тибетские окраины Китая и Центральная Монголия" (СПб., 1893). С 1893 года ученый занимается обработкой собранных материалов по этнографии и фольклору. Полученные результаты своих изысканий он обобщает в серии опубликованных трудов по истории и культуре народов Центральной Азии и Сибири. Особое место в его исследованиях занимает историко-сопоставительный анализ европейской и восточной культур.

Отчеты Г. Н. Потанина перед Императорским Русским географическим обществом, членом которого он был избран в 1862 году, отличались особенностью стиля научного изложения. Комплек-

сный характер обследования изучаемой территории — физико-географические характеристики региона, гидрометеорологические наблюдения, картографирование местности, сбор образцов флоры и фауны, этнографические наблюдения, запись фольклорных произведений — представлял собой разносторонний охват самого широкого спектра данных, scrupulously собранных и систематизированных в рамках каждой его работы.

Его путевые заметки, дневники и отчеты, представленные перед членами ИРГО, получили высокую оценку со стороны научной общественности: Г. Н. Потанин становится известным как путешественник-исследователь, этнограф и фольклорист. За свои путешествия в 1886 году он был награжден Константиновской золотой медалью Императорского Русского географического общества, а в 1887 году ему была назначена пожизненная пенсия.

С осени 1902 года и до конца своих дней Г. Н. Потанин жил в Томске. Умер ученый в клинике Томского университета летом 1920 года в возрасте 85 лет.

Значительный интерес представляют ранее широко не публиковавшиеся материалы путешествий 1863–1864 годов, рецензии ученого на произведения других исследователей, аннотации и эссе, а также труды обобщающего характера, которые вошли в настоящий сборник. Большая часть публикуемых нами документальных источников труднодоступна для исследователей: она разбросана по разным архивам или же форма хранения документа носит пленочный характер (микрофильм), что значительно затрудняет работу с материалом источника. К числу таких материалов, вошедших в настоящий сборник, относится рецензия Г. Н. Потанина на рукопись капитана И. Г. Андреева. Следует отметить археографическую пунктуальность ученого. Потанин подробно описывает не только внутреннюю атрибутику источниковедческого материала, но и ее внешние признаки: форму сохранности, особенности почерка автора. Немаловажным фактом является раскрытие Г. Н. Потаниным природы происхождения источника. Он пишет, что рукопись была составлена Андреевым в 1785 году по поручению сибирского губернатора Якоби, для чего Андрееву была дана возможность проехать от Усть-Каменогорской крепости до Пресногорьской; автор жил в некоторых местах по 10 дней, расспрашивая знающих людей

и киргизских старшин. Сравнивая показания капитана Андреева с имеющимися у него статистическими данными, сведениями из других источников, Г. Н. Потанин прослеживает целый ряд изменений в социальном устройстве, бытовой жизни и обычаях народа. За 90 последних лет киргизы, заключает ученый, раздвинули свои пределы на 300 верст к востоку. Вообще русское господство на Иртыше, отмечает он далее, послужило в пользу киргизскому народу: он умножился и расселился. По мере того как русская военная линия развивалась к востоку, калмыки отступали перед ней, а оставленные ими места тотчас же занимали киргизы. Ценность наблюдений капитана Андреева Г. Н. Потанин видит и в обнаруженных автором записок изменениях в обрядах и праве казахов. Ряд положений обычного права казахов были новостью, как отмечает Г. Н. Потанин, и для знатоков традиций коренного населения: в случае убийства жены не только возвращение калыма от мужа, но и разделение остального его скота между родственниками тестя; преклонение колена перед султаном; протягивание через кибитку шнура, за который должна держаться роженица; издирание платья жениха за лишение невинности невесты до брачного обряда и т. д. Рекомендуя в печать труд И. Г. Андреева о казахах Среднего жуза, Г. Н. Потанин писал: «Желательно, чтобы рукопись Андреева как первый этнографический труд о киргизах, могущий служить для сравнения прежнего состояния степи с современным, была напечатана в «Записках» Общества по отделению этнографии. Этим Г. Н. Потанин открыл И. Г. Андреева как исследователя Центральной Азии перед научным сообществом своего времени.

Неоценим вклад Г. Н. Потанина в дело собирания, изучения и публикации устного поэтического творчества казахского народа. Ученый в своих трудах решительно выступает против расистских теорий о неполноценности духовной культуры ряда народов Центральной Азии. Изучение исторических корней устного народного творчества дало возможность исследователю предоставить ранее неизвестные сведения о характере и сущности мировоззрения кочевых народов Азии. Фольклорные изыскания ученого демонстрируют процесс осмысления Азии как особого культурного феномена. Материалом же, наиболее адекватным подобному исследованию,

выступает для ученого фольклор. Именно Г. Н. Потанину принадлежит заслуга введения в широкий научный оборот многих образцов казахского фольклора.

Свой вклад в изучение культуры Востока ученый видел в сборе, обработке, интерпретации именно азиатского фольклорного материала, восточных сюжетов и образов. Собранный уникальная коллекция историко-этнографического, фольклорного наследия Азии сегодня нуждается в специальном углубленном исследовании и прежде всего — в выявлении еще неопубликованных материалов.

Бесценный фактологический материал и уникальные сведения о быте, хозяйстве, социальной структуре казахского общества заслуживают самого пристального внимания как ученых-специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся прошлым нашего Отечества. Часть богатейшего научного наследия Г. Н. Потанина до сих пор остается малоизвестной научной общественности.

К. Ш. Алимгазин

Литература

Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.

Письма Г. Н. Потанина в 3 томах. Иркутск, 1987, 1988, 1989.

Поборник дружбы // Алексеенко Н. В. Хранители памяти. Алма-Ата, 1988. С. 94–104.

Г. Н. Потанин: идеологические основания региональной литературы // Серебренников Н. В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород, 2000. С. 9–22.

Шиловский М. В. Полнейшая самоотверженная преданность науке: Г. Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск, 2004.

Каташ С. С. Сибирский Прометей (о вкладе Григория Николаевича Потанина в фольклористическую науку) // Материалы портала <<http://www.informika.ru/>>

Новикова Е. Г. Г. Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // Материалы интернет-портала Томского государственного университета <<http://www.tsu.ru>>

Пелих Г. И. Г. Н. Потанин о роли общины в истории человечества // Материалы интернет-портала Томского государственного университета <<http://www.tsu.ru>>

Потанин Г. Н. О нем // Материалы интернет-портала Томской библиотеки <<http://library.tomsk.ru>>

Паршукова Н. П. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин о городах Сибири // Материалы интернет-портала <<http://hist.dcn-asu.ru/>>

Потанин Г. Н. О нем // Материалы интернет-портала Томской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина <<http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru>>

Имя в истории. Г. Н. Потанин // Материалы интернет-портала “Централизованная библиотечная система г. Иркутска” <<http://cbs.irkutsk.ru>>

Потанин Г. Н. О нем // Материалы интернет-портала “Альпинисты северной столицы” <<http://www.alpklubspb.ru/>>

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920 гг.), путешественник, этнограф // Материалы веб-сайта Восточно-Казахстанской областной библиотеки им. А. С. Пушкина <<http://imena.pushkinlibrary.kz>>

Паршукова Н. П. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин о городах Сибири // Материалы веб-сайта <<http://new.hist.asu.ru/biblio/gorsib>>

Путешествие на озеро Зайсан и речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и горы Сарытау летом 1863 года Карла Струве и Григория Потанина

Исходной точкой нашего путешествия была русская колония Кокбекты, единственная на плоскогорье озера Зайсана. Кокбекты лежит в западном конце Зайсанской равнины, гораздо ближе к горам, ограничивающим равнину с запада, чем к озеру; куполообразная возвышенность Калмыктологой находится только в 11 верстах к северу от селения, а горы Уртентау, образующие южную окраину долины Кокбекты, лежат еще ближе. Пространство между горами есть степь, понижающаяся с обеих сторон к р. Кокбекты и так обильно поросшая кустарниками таволожника (*Spiraea hypericifolia*), что кустарники эти доставляют селению значительное количество топлива.

Вожаком нашей экскурсии был бий Тана Тлемисов, знаменитый во всей равнине Зайсана как у подданных, так и у неподданных киргизов своими познаниями в степном обычном праве и искусством в юридической практике. Прежде Тана кочевал в Южном Алтае в течение нескольких лет и потому был порядочно знаком с его географией; там он имел племянника Мухаммедсултана и многих других родственников и в это временное пребывание свое в Южном Алтае составил себе такую известность, что впоследствии, когда он возвратился в русские степи, из Южного Алтая к нему не переставали ездить киргизы для решения спорных дел. Все это давало надежду найти в нем незаменимого вожака по Южному Алтаю. Сверх того, он уже был раз проводником одного ученого-путешественника, горного инженера Влангали.

25 апреля мы выступили из Кокбектов и вечером, после небольшого перехода, остановились в урочище Коктерек, в ауле Таны, который вместе с прочими родичами своими, мурунами, двигался

со своих зимовок у подошвы Тарбагатая от урочища Тюемуйнак, через жаркую долину Кокбекты, на прохладные вершины Караджал в Калбинском хребте.

По приезде мы были приглашены в юрту Таны, где ожидало нас обильное угощение чаем, кумысом и бараньим мясом. Тана пользовался в степи званием мирзы за знание обычаев и обязательств степного гостеприимства; потому, вероятно, прием, сделанный нам Таною, отличался образцовым выполнением степных приличий; но мы не описываем их, потому что они были уже раз описаны г-ном Влангали.

В юрте у Таны мы нашли много европейских вещей; Тана, кажется, выбрал между европейскими товарами все, что только подходило к кочевому быту; так, например, он перекочевывал со своих зимних пастбищ на летние и обратно в хорошем тарантасе, запряженном тройкой; погребцы его заключали все разнообразие русской чайной посуды и серебра; кумыс у него подавался в европейской фарфоровой вазе необыкновенно тонкой работы и разливался не самодельным деревянным "саптаяком", а серебряной суповой ложкой. Русские железные щипцы для вынимания углей из печи также оказались очень приличными в юрте киргизского богача. Вообще Тана совершал свои перекочевки с таким комфортом, какой только может придумать для себя европейский путешественник по Средней Азии.

На другой день мы сделали небольшой переход и остановились у могилы Кичубая, возле рытвины, в которой нашли лужу воды, полугодной к употреблению. Рытвина эта служила продолжением Кокбекты, но река здесь теряет непрерывное течение и разбивается на маленькие озерины; эти озерины русские называют омутами, а киргизы — карасу. Карасу, на которой мы остановились, называлась по соседней могиле: Кичубайкарасу. Берега Карасу представляли глинистые незначительной высоты обрывы, на которых непосредственно начиналась степь, покрытая сверху щебнем и поросшая мелкими кустарниками таволги (*Sр. hypericifolia*) и караганы.

27 апреля мы разбили свои юрты в урочище Джусагач, против могилы Абакана. Джусагачем называется та часть течения все той же Кокбектинки, где снова в обилии выступает вода и вызывает не только разнообразную луговую, но и древесную растительность.

Название Кокбекгы только русские распространили на все течение этой реки от вершины до устья; киргизы же дают этой незначительной речке четыре названия. Горное течение ее до русского селения они называют Кендыкты, около селения — Кокбекты, ниже — Джусагач, и, наконец, устье ее называют Кылы.

Поэтому-то Риттер и был введен в недоумение разногласием дневника Путимцева (1811) с русскими картами.

“Хотя южнее Букони, — говорит Риттер, — на русских картах обозначается р. Кокбекты (рус. пер. Риттера. Т. III. С. 15), которая, по-видимому, течет очень издалека, из киргизской степи в озеро с западной стороны, однако Путимцев, называя ее, тотчас же упоминает о незначительной Джусагач”. Риттер думал, что это рукав р. Кокбекты. Нет никакого сомнения, что Путимцев пересек течение р. Кокбекты в том месте, где она носит название Джусагач, и не слышал других ее имен. Поводом к такой многоименности, вероятно, послужила нецельность течения реки и разнохарактерность в образовании ее ложа и берегов.

Около русского селения река течет в невысоких глинистых берегах, и степь, поросшая кустарниками таволги, приближается почти к самой реке; но у нижнего конца селения побережье ее уже превращается в луг, оживленный разнообразною растительностью; кустарники жимолости, шиповника мешаются с высокими травами: *Clematis integrifolia*, разными крестоцветными, сложноцветными и другими. Близ воды цветут *Alisma Plantago*, а в самой воде — хары и конфервы (нимфей я не находил, хотя о них упоминает Влангали). Соседняя степь обращена в нивы; речка местами запружена мельничными плотинами, но большею частью разведена по ирригационным каналам.

В 5 верстах ниже селения река начинает уже разбиваться на отдельные озерины, но промежутки между ними незначительны, заросли травой и имеют сырую почву. Далее луговой характер прекращается; сухая степь, покрытая щебнем и таволгой, приближается к ручному ложу, а последнее имеет вид сухой рытвины, в которой местами лежат карасу с застаивающейся водой. В Кичубайкарасу уже в апреле месяце мы нашли воду, имевшую неприятный соленый вкус. Позже, в июле, вода до того испортилась, что во время обратного путешествия мы уже не могли сделать привала

на этой карасу. Кроме того, и число карасу в рытвине, вероятно, уменьшается: некоторые совсем высыхают, и расстояния между остальными становятся так значительны, что во время обратного путешествия мы от Джусагача до Кичубайкарасу не нашли даже и гнилой воды.

Окрестная степь пустынна; незначительные холмы, более высокие к югу от мнимого русла реки, только на вершинах своих образуют незначительные обнажения глинистого сланца, а пологие их скаты к реке закрыты наносом глины, который сверху присыпан щебнем сланца и порос таволгой (*Sp. hypericifolia*) и караганой (*Caragana frutescens*).

В низких местах долины, около карасу, появляется чий — знак, служащий неизбежным спутником подобных скоплений воды.

В урочище Джусагач исчезнувшая река внезапно выступает из почвы многими ключами свежей и чистой воды, которые текут параллельно один другому, сливаются, опять разъединяются, теряются, снова появляются и наконец образуют одну общую, не бедную водой речку Кы. Урочище Джусагач состоит из широкой изменной площади, усеянной крупными валунами, в которых лежат спутанные линии старых сухих русел, углублений со стоячей водой и, наконец, текущих ключей; ложе представляет всевозможные стадии своей истории образования. Местами нагромождены кучи совершенно обнаженного галечника; между ними лежат омуты, поросшие камышом и конфервами; иногда углубления, содержавшие воду, совершенно высохли; на дне их, состоящем из мелкой дресвы, растет *Ceratocephalus orthoceras* и *Asparagus*, а на обнаженных грядах валунов — толстые и неуклюжие пни тополей, корни которых врываются в сырую почву, лежащую под валунами, а тупые вершины пускают молодые ветви. Между их стволами возникает разнообразная кустарная растительность: жимолость, тал, черганак (*Ribes diacantha*, Pall.), на котором уже висели конические кисти цветов, боярышник и шиповник (черемухи, которую здесь находил Путимцев, я не заметил). Тополевый лес дал повод к названию урочища Джусагач — по-киргизски “сто дерев”. В действительности их более, но нельзя назвать лес густым; стволы тополей так редко расставлены, что со стороны они не представляют сплошной массы, а между деревьями видны большие промежутки.

В этом лесу и животная жизнь была оживленнее, чем в степи; насекомые жужжали в кустарниках, на тополях сидели в бесчисленном количестве *Chrysomela tremulae*; внутри леса свистал соловей, в чаще скрывалось много зайцев.

Окрестная степь тем не менее сохраняет свой прежний пустынный характер; она только теряет холмистый вид и превращается в равнину с плотной глинистой почвой, прикрытой плотно прилегающим щебнем, и примыкающей к низменности Джусагача невысоким увалом, в котором весенние воды образовали неглубокие ложбины, не врезающиеся далеко в степь. В самой степи росла карагана, а в ложбинах — кусты таволги вместе с *Ixioligion Ledebourii*, несущим красивые синие цветки. В этой степи около Джусагача впервые появилась замечательная порода птиц из семейства куриных *Syngnathes paradoxus*, по-киргизски булдурук.

28 апреля мы спустились еще ниже по той же долине, вдоль течения р. Кылы. Почва долины здесь снова изменяется — гряды валунов сменяются глинистой почвой, сильно пропитанной солью; во многих местах были видны инкрустации последней в виде белых пятен. Тополевый лес со всей подчиненной ему флорой и фауной также сменен здесь камышами, которые широкой и непрерывной полосой тянутся до Зайсана и сливаются с камышами последнего. Внутри этой камышовой массы только воды р. Кылы, текущие в узком и глубоком ложе, делают узкую и кривую просеку. Не столько глубина, сколько отвесная крутизна берегов и ширина камышей допускают переход через речку только в двух местах, которые называются по-киргизски Караоткель и Чурчутоткель — “черным и китайским бродами”. Глубина Караоткель была ниже колена лошади; вода с удвоенной быстротой переливается здесь через мель или плотину, образовавшуюся из крупного песка. Берега здесь свободны от камышей. В местности, где Джусагач граничит с Кылы, т.е. где лес сменяется камышами, с севера приближается сухое русло, заваленное крупным галечником, и соединяется с руслом Джусагача; этот приток киргизы называют Тассай. С восточной стороны его сопровождает обрыв в несколько сажен высоты, состоящий из крупных валунов, смешанных с мелким песком. На вершине этого обрыва, по рассказам киргизов, прежде находились китайские постройки; это был, вероятно, пикет Гахчиханмододобуту, виденный

еще Сиверсом в 1793 г. (русский перевод "Землевед. Азии" Риттера. Т. III. С. 174) и потом оставленный китайцами.

Степь от Тассая также щебниста, но поросла одной полынью, изредка цвели на ней *Ixiolirion Ledebougi* и *Sisorzonera*.

На Тассая в первый раз нам встретилась красивая бледно-зеленая ящерица из отряда гекко, принадлежащая, как и *Syrhaptus ragadoxus*, к фауне только ближайших окрестностей Зайсана. Увал, образуемый этой степью над долиной Кылы, постепенно понижается и против брода Караоткель почти незаметно переходит в плоское солонцеватое побережье Зайсана.

Мы нарочно описали подробно течение этой незначительной речки, потому что, по нашему мнению, оно очень типично и встречается во многих других местах степи. Некоторое сходство с характером долины Кокбекты имеют низовья р. Аягуз, впадающей в Балхаш. Описанные нами явления ждут еще остроумного объяснителя; для нас всего удивительнее казалось появление крупных валунов на Джусагаче, после того как долина утратила характер речного ложа и степь со своими кустарниками до того завоевала ее, что в промежутке между карасу с левой стороны долины она прямо переходит в степь правой стороны, и путешествующий в этой части течения не может дать себе отчета, по правому или левому берегу реки он следует.

Между тем на Джусагаче река возрождается снова и притом с таким обширным руслом, что образование его можно приписать только большой иссякшей реке. Величина валунов также указывает на могучее течение, которое прежде существовало здесь. Вероятно, подобное строение ложа некогда существовало непрерывно до самых гор, но средняя часть его теперь погребена под позднейшими наносами. Объяснить же, почему обнаженная площадь валунов Джусагача также не покрыта наносом, очень трудно. Точно также странно, каким образом Кылы, текущая в каналообразном ложе, образует два брода посредством наноса песка.

Может быть, на произведение этих явлений имеет влияние степень падения ложа; на Джусагаче оно было значительнее, а выше — ничтожнее, и здесь пыльные степные ветры успели преодолеть сносящую нанос силу воды и образовали поверх ложа слой мелкой дресвы с глиной, менее проницаемый для воды, чем скрытый под